

Лекция VIII. Африка южнее Сахары

План:

- 1) *Особенности этнической и культурно-исторической ситуации*
- 2) *Западный Судан Центральный Судан*
- 3) *Западный Судан Центральный Судан.*
- 4) *Восточная и Тропическая Африка*

1) *Особенности этнической и культурно-исторической ситуации.* Хотя именно в Африке возник человек как биологический вид и здесь же, в долине Нила, сложилась одна из наиболее блистательных в древности цивилизаций, этот континент в целом значительно отстал в своем развитии от других, причем сам факт такого отставания очевиден и общепризнан. Вопрос лишь в том, почему это случилось.

На протяжении длительного времени специалисты пытаются выяснить, в чем суть проблемы. Выдвигались самые разные гипотезы, от откровенно расистских (негры по своей биологической природе не способны к развитию) до столь же откровенно апологетических (африканцы все могли и умели, все создали самостоятельно, от земледелия и железоделания до государственности; причина же их отсталости – в жестокостях колониализма). Если оставить в стороне крайности и обратить внимание на те основные причины и обстоятельства, которые, по мнению различных африканистов, сыграли свою роль в отставании Африки и африканцев (важно оговориться, что здесь и далее речь идет только об африканцах, живущих южнее Сахары, о народах Тропической Африки), то среди прочего мы найдем упоминания о жарком климате и неблагоприятных в целом условиях обитания человека на большей части континента, о тропических лесах и поражающих людей и скот многочисленных тяжелых болезнях (лихорадка; сонная болезнь, вызываемая укусом мухи цеце, и др.), о недостаточно благоприятных для интенсивного земледелия почвах, примитивных приемах агротехники и соответственно низкой культуре труда. Говорится также о гигантских пространствах и слабой плотности населения, об относительной изоляции континента в целом, о необычайной множественности разделяющих людей языковых и родоплеменных барьеров, о цепкости примитивных традиций и силе раннерелигиозных культов. Наконец, принимаются во внимание обилие непродуцирующих групп населения, собирателей и охотников, слабость и натуральность хозяйства производителей, земледельцев и скотоводов, редкая возможность создания продовольственных излишков и запасов, неразвитость внутренней торговли и отсутствие товарно-денежных отношений при господстве меновой торговли.

Все эти и многие другие соображения в принципе справедливы и немало объясняют. В частности, они позволяют заключить, что в отсталости Африки нельзя винить кого-то одного или что-то одно; здесь сыграл свою роль сложный комплекс причин, состоящий из ряда существенных факторов. Едва ли не первым из них по значению следует считать фактор природно-климатический: и климат, и тропические леса, и скудные почвы, казалось бы, насыщенной растительностью саванны, и малопригодные условия для интенсивного земледелия, и условия обитания, включая тяжелые болезни, высокую смертность. Конечно, все это можно было как-то преодолеть, и в конечном счете это преодолевалось. Люди адаптировались. Но чего им это стоило! Вторым существенным фактором отсталости следует считать самих людей, но не с точки зрения их расы, а в плане этнокультурных потенций. Будучи вынужденными тратить невероятные усилия ради адаптации, африканцы в целом оказывались в невыгодных условиях обитания, что не могло не действовать отрицательно на темпы развития общества и его культуры, на уровень привычного реального бытия. Ничтожные средние потребности (скудное питание, минимальная одежда, простейшее жилище) не стимулировали поиска и не вели к выработке навыков высокопроизводительного труда, к накоплению и закреплению в поколениях нового трудового опыта – во всяком случае в таких размерах, чтобы

преодолеть консерватизм традиции.

Наконец, третий существенный фактор отсталости – относительная изоляция многих этнических общностей и незначительная роль контактов с внешним миром вплоть до конца I тысячелетия н.э. Вот почему, хотя колониальное вторжение европейцев и принесло Африке неисчислимые бедствия и страдания (чего стоит одна только работорговля, унесшая десятки миллионов жизней и искорежившая социально-политическое бытие и сознание многих народов континента!), его не следует оценивать однозначно. Как и на всем Востоке, оно внесло в традиционный способ существования и немало нового, в том числе и полезного. В Африку, в частности, были привезены прижившиеся там новые сельскохозяйственные культуры (кукуруза, маниока, земляной орех и др.), ставшие основой питания для многих народов.

Здесь стоит оговориться, что изоляция, о которой идет речь, всегда была относительной. Что же касается внутриафриканских контактов, то они, напротив, с глубокой древности и до последнего времени были весьма оживленными. Миграции значительных групп населения, причем не только скотоводов, обычно весьма легких на подъем, но и земледельцев, как о том свидетельствует расселение бантуязычных народов к югу от центра континента, где они, по всей вероятности, первоначально обитали (об этом свидетельствуют данные лингвистического анализа), были в Африке обычным делом. Видимо, именно это сыграло немалую роль в распространении по континенту, особенно на юге, земледелия и скотоводства.

Если говорить об основных зонах обитания на континенте, то следует заметить, что они весьма разнообразны. Закономерностью можно считать то, что экваториальный пояс Африки, покрытый тропическими лесами и наименее пригодный для обитания человека и производящего хозяйства, населен преимущественно охотниками и собирателями. Однако и здесь немало земледельцев, выращивающих преимущественно клубнеплоды, прежде всего ямс. Широкие зоны саванны, окружающие леса Африки с севера и юга, более благоприятны для существования земледельцев и особенно скотоводов. Но и здесь, в саванне, как и в лесу, земледельцы вели экстенсивное землепользование (подсечно-огневая система с довольно частым переходом на новые пашни), не были знакомы с тягловым скотом и плугом, обходясь примитивными мотыгами, что, впрочем, соответствовало скудным почвам с очень небольшим поверхностным плодородным слоем гумуса. Только в немногих районах саванны (вдоль долины Нигера, в частности) условия земледелия были более благоприятными и способствовали не просто выращиванию злаков, включая, видимо, привезенный в Африку арабами рис, но и созданию запасов зерна, т. е. избыточного продукта, что всегда было материальной основой для появления и существования надобщинных политических структур, прото – и раннегосударственных образований.

История Тропической Африки как политическая история, т. е. фиксированное преданиями и документами описание как раз такого рода надобщинных структур, начинается именно в зоне северной саванны, в пределах обширного пояса полупустынь, степей и лесостепей, расположенных к югу от Сахары и именуемых Суданом (северная часть этого пояса, где обитали преимущественно кочевники, именуется Сахелем). На востоке этого трансафриканского пояса еще в древности и явно под влиянием египетской цивилизации и транзитной торговли между Средиземноморьем, Аравией и Индией возникли упоминавшиеся уже африканские государства Нубия и Эфиопия (Аксум). Но они развивались как бы обособленно от остальной части Тропической Африки, хотя связи между ними и континентом явно существовали. Существует даже гипотеза, согласно которой железоделиние в Африке восходит к древнему восточно-суданскому государству Мероз, откуда оно в свое время начало распространяться по всему континенту. Впрочем, появление железоделиния в то далекое время (I тысячелетие до н.э.) не сыграло существенной роли в формировании государственности на большей части территории Тропической Африки. Государственность здесь появилась много позже, причем в

противоположной части суданского пояса, на его западе. Однако едва ли не важнейшую роль исходного толчка для ее появления здесь сыграли аналогичные обстоятельства. Речь идет о влияниях и контактах с развитыми цивилизациями в конце I тысячелетия н. э.

Как упоминалось, внутриафриканская система контактов существовала с древности и включала в себя не только Сахару, через которую шло немало караванных дорог, но и Северную Африку, в том числе и жителей Карфагена, наслышанных о золотых россыпях Западного Судана. Так как западно-суданское золото, добычей которого из века в век занимались местные народности, высоко ценилось в Средиземноморье, где из него чеканили монету, то неудивительно, что уже издревле существовала транзитная торговля, соединявшая север Африки через Сахару с Суданом. Эта торговля надолго заглохла в начале I тысячелетия н. э., но после арабизации североафриканского побережья в качестве купцов-посредников, заинтересованных в суданском золоте, стали активно выступать мусульманские торговцы Магриба (позже центром этой торговли стал фатимидский Египет).

Начиная с VII в. и на протяжении ряда последующих столетий арабские и берберские купцы везли высоко ценившуюся в Африке соль и некоторые другие средиземноморские товары в западно-суданские земли. На торговых путях и их пересечениях один за другим стали вырастать торговые центры (Аудагост, Гана, Томбукту, Гао и др.), населенные исламскими торговцами и выходцами из числа разбогатевшей на этой торговле местной знати, постепенно захватывавшей в свои руки и административно-политическую власть.

2) Западный Судан Центральный Судан. Западный Судан с VII–VIII вв. был местом наиболее интенсивной транзитной торговли, точкой пересечения многих миграционных потоков. Здесь жили земледельцы саванны. Сюда же спорадически перемещались со своими стадами скотоводы, как негроидного, так и берберо-ливийского происхождения. Есть основания полагать, что последние сами принимали участие в караванной торговле, предоставляя купцам для этого своих верблюдов-дромадеров. На увлажненных разливами Нигера западно-суданских землях выращивали злаки, в том числе рис. В торговых городах было, кроме торговцев, немало ремесленников, обслуживавших нужды городского населения. Словом, многие факторы способствовали тому, чтобы в западно-суданском районе Африки сложились благоприятные условия для появления городов и городской жизни, а вместе с этим – очагов цивилизации и государственности. Но главным фактором из всех было все-таки золото, без которого все остальное могло бы и не появиться. Именно контроль над приисками и тем самым ключевое положение в системе выгодного торгового обмена создали первоначальные условия для появления первых крепких западно-африканских государств. Наиболее ранним из них была Гана (не путать с современной Ганой!).

Гана. Истоки ганской государственности неясны. Существуют предания, согласно которым первыми правителями этого государства были выходцы с севера («белые правители»). Возможно, это были кочевники-берберы из числа тех, кто мигрировал в западно-суданские земли с той же целью обогащения, что и средиземноморские купцы. Но это лишь предположение. В VIII в., однако, это было уже далеким прошлым. К этому времени правители Ганы в расовом и этническом плане были такими же, что и их подданные, выходцами из этнической общности сонинке, составлявшей основу жителей Ганы. Сложившееся вокруг торгового центра протогосударственное образование Гана существовало в основном за счет таможенных сборов и пошлин с купцов, частично за счет дани с подчинившихся ему соседних племен. Но главным сокровищем правителей Ганы было золото, точнее, контроль над приисками: все самородки с них полагалось отдавать правителю; только золотой песок считался законным доходом старателей.

Оттеснив берберов, Гана в конце X в. присоединила к себе важный торговый центр

Аудагост, расположенный к северу от нее. Стоит при этом заметить, что сами правители страны и их подданные в транзитной торговле практически не принимали участия: торговали приезжие купцы – арабы, берберы, евреи. Словом, Гана во многих отношениях была необычным протогосударством, жившим за счет выгодного расположения и распоряжения богатыми ресурсами, но не за счет производства (если не считать производством добычу золота). В 1076 г. альморавидский султан Абу-Бекр во главе мусульманского войска завоевал Гану и разрушил город. И хотя спустя 11 лет, после успешного восстания, завоеватели были вынуждены уйти, дни процветающей Ганы были уже сочтены. Часть зависимых территорий отпала от нее, а бывшее данником родственное племя сосо в 1203 г. захватило столицу, после чего многие из живших там иноземных купцов покинули город. Политическим же преемником Ганы стало новое протогосударство – Мали.

Мали. Мали сформировалось как протогосударственное образование в VIII–IX вв. Расположенное вначале к югу от Ганы, в зоне, куда доступ северным кочевникам был затруднен, Мали тем не менее, в отличие от Ганы, в XI в. приняло ислам. Исламизация правящей верхушки Мали содействовала развитию протогосударства, населенного родственными сонинке малинке (оба народа из языковой группы манде, мандинго), и притоку в страну мусульманских купцов. В 1235 г. правитель Мали Мундиата Кейта одолел соседнее протогосударство Сосо и присоединил к стране древние земли Ганы. Вскоре Мали стало богатым и известным в арабском мире западно-суданским государственным образованием: его правитель Муса I совершил в 1324 г. хадж в Мекку. По преданию, Муса привез с собой столько золота, щедро раздававшегося во время путешествия (10–12 т, его несли около 500 рабов-носильщиков), что долгие годы после этого цена на золото в арабском мире была заниженной.

Города Мали были застроены богатыми зданиями и мечетями. Процветали торговля и ремесла. Золота было настолько много, что высоко ценившаяся соль подчас обменивалась на него по весу в соотношении 2:1 (торговля в Судане была меновая; денег в ходу не было). Административная структура была значительно более развитой, чем в Гане. Высшую власть осуществлял правитель, но большую роль играла родовая знать, прежде всего из правящего рода Кейта, представители которого назначались наместниками присоединенных к стране областей (часть завоеванных или добровольно присоединившихся земель оставалась под властью местных вождей, плативших правителю дань).

Дабы обезопасить себя от притязаний близких родственников на власть, правители возвышали воинов и чиновников из числа чужеземцев, в первую очередь иноплеменников-рабов, количество которых в аппарате власти и в войске, особенно в гвардии правителя, было велико. Исламская структура власти, видимо, сказалась в том, что служащие и воины получали должностные земли, точнее, право на налоги (ренту-налог) с населения пожалованных земель. Что же касается основной части населения, малинке, то они жили большими общинами, состоявшими из патриархальных семей, главы которых распоряжались имуществом всего коллектива и вносили необходимую часть его в виде налога старейшине. Рабы из числа чужеземцев чаще всего включались в хозяйство на правах младших членов семьи, причем статус раба во втором поколении практически переставал быть рабским.

С конца XIV в. Мали под действием династических распрей стало ослабевать. И хотя династия Кейта просуществовала до XVII в., она практически уже не управляла большой и процветающей страной: под ударами удачливых соседей, прежде всего сонгайцев, правители Мали потеряли в XV в. почти все свои владения. Зато на смену Мали пришло государство Сонгай, наиболее могущественное из трех суданских государственных образований и наиболее развитое из них.

Сонгай. Общность сонгаев обитала к северо-востоку от Ганы и Мали, близ торгового центра Гао, который со временем и стал столицей нового государства.

Предания свидетельствуют о существовании сонгаев и о сложении у них государственности еще в конце I тысячелетия до н. э., причем специальные исследования говорят о том, что государственные институты и должности возникали на местной основе (об этом свидетельствуют их наименования). Это, впрочем, никак не исключает возможности влияния на весь процесс извне, особенно если учесть уже описанную ситуацию. В начале II тысячелетия сонгайское протогосударственное образование (или серия образований?) было под властью Мали. Только с ослаблением Мали в конце XIV в. сонгай, к тому времени уже принявшие ислам, во главе со своим правителем Али победили малийцев и создали большое государство, охватившее значительную часть Западного Судана, включая все его известные торговые центры. В государстве Сонгай было создано профессиональное войско из наемников. Страна была разделена на провинции во главе с приближенными правителя.

На рубеже XV–XVI вв. при Мухаммеде держава сонгаев достигла вершины своего могущества. Сам Мухаммед, ревностный мусульманин, не только совершил хадж в Мекку, но и широко покровительствовал мусульманским ученым, которых он приглашал из арабских стран. В Томбукту при нем действовало высшее учебное заведение типа университета, где готовились кадры специалистов в области исламской теологии, права, математики, гуманитарных наук. Сонгайские города, как и вся транзитная торговля и прежде всего добыча золота, приносили казне немалый доход. Но, как и в Мали, в сонгайском государстве существовало уже и регулярное обложение населения налогом. Зависимые иноплеменники, рабы, использовались на обработке земель, которые щедро раздавались высшим должностным лицам. Вассальные вожди платили правителю дань. Государство активно впитывало нововведения, способствуя передаче опыта (приглашение иностранных ученых; предоставление условий для европейских огородников; строительство ирригационных сооружений на Нигере).

Могущество Сонгай было подорвано нашествием марокканского войска в конце XVI в. Вооруженное огнестрельным оружием и состоявшее в значительной степени из Испанских наемников, частично исламизированных, это войско сумело нанести решительный удар по сонгайскому государству, правители которого, оттесненные на восток, постепенно деградировали. Марокканцы прибыли в Судан с севера в поисках все того же золота. Но прииски к этому времени уже истощились, а экспедиция стоила дорого. Марокканский султан вскоре потерял интерес к Судану, а посланные им воины, женившись на местных женщинах, так и остались там, основав пашалык, которым управляли избравшиеся воинами паши. Пашалык просуществовал в северной части Западного Судана, включая Томбукту и Гао, вплоть до середины XVIII в., когда он был разгромлен сахарскими кочевниками-туарегами. К югу и юго-западу от марокканского пашалыка в XVII–XVIII вв. возникло несколько государств, основанных местными народами фульбе и бамбара.

Племенные протогосударства фульбе и бамбара. Скотоводы западного Сахеля из племени фульбе уже в IX в. в районе современного Сенегала (побережье, отделенное от западносуданской саванны горным плато), возглавили племенное протогосударственное образование Текрур, став первой из четырех тукулерских династий. Есть сведения, что скотоводы фульбе появились здесь с севера, в расовом отношении отличались от местного негроидного населения и были знакомы с исламом. Часть фульбе осела, остальные оставались кочевниками и в поисках пастбищ постепенно мигрировали на восток, распространившись чуть ли не по всей территории Западного и Центрального Судана. В районе излучины Нигера в Масине часть фульбе (фульбе-бороро), подвергшись процессу трибализации, осела, создав протогосударство, вначале зависимое от Мали, затем от Сонгай. Выдержав натиск марокканцев, масинские фульбе на рубеже XVI–XVII вв. добились независимости. Бывшие кочевники-фульбе неплохо вписались в городскую культуру Западного Судана, заняли многие должности чиновников и пополнили собой ряды мусульманского духовенства. Видимо, малочисленность оседлой части фульбе была

одной из причин того, что они подверглись мандингизации, т. е. постепенно утратили свой язык, переняв язык мандингского народа бамбара (но сохранив этническое лицо).

Этническая общность бамбара, родственная сонинке и малинке Ганы и Мали, в XVI–XVII вв. стала едва ли не преобладающей в западно-суданском районе среднего течения Нигера, т. е. в зоне обитания трех вышеупомянутых государственных структур (Ганы, Мали, Сонгая). Окончательно оттеснив последних правителей Мали и воспользовавшись крушением Сонгая под ударами марокканцев, трибализовавшиеся бамбара создали к юго-западу от марокканского пашалыка серию племенных протогосударств, добившихся расцвета в XVIII в. Сильнейшим из них было Сегу, правитель которого Битон Кулибали создал сильную армию и совершил ряд успешных завоеваний, присоединив к Сегу, в частности, и фульбскую Масину.

В конце XVIII в. вновь вышли на передний план фульбе, которые попытались было под знаком религиозного обновления объединить ряд мелких государственных образований Западного и Центрального Судана вплоть до озера Чад. Фульбский мусульманский проповедник Осман дан Фодио на рубеже XVIII–XIX вв. сумел создать в этом районе Африки большой халифат Сокото, просуществовавший почти весь XIX век и построенный преимущественно на исламской административно-политической и социально-экономической основе с сильной централизованной властью и хорошо налаженной системой налогов. Специфическим отличием халифата была этническая суперстратификация: фульбе считались привилегированным меньшинством, тогда как большинство населения, принадлежавшее к хауса, подчинялось им.

Племенные протогосударства моси. Юго-восточная часть Западного Судана, бассейн Вольты, был населен этнической общностью моси, сложившейся на рубеже I–II тысячелетий на местной основе. Под воздействием мигрантов с востока эта общность трансформировалась и подвергалась процессу трибализации. В XII–XIV вв. здесь существовали уже несколько соседних государственных образований, крупнейшим среди которых было Уагадугу. Уагадугу, Ятенга и некоторые другие протогосударства моси были хорошо организованы. Ислам и транзитная торговля затронули их территории в меньшей степени, нежели то было к северу. Но влияние того и другого сказывалось. Просуществовавшие до XIX в. (чему явно способствовало их географическое местонахождение – в стороне от основных торговых и миграционных путей) племенные протогосударства моси представляли собой достаточно своеобразные политические структуры. Территориально-административное членение было тесно связано с общинно-родовым. Однако вожди предпочитали назначать руководителями округов не представителей знатных родов, а преданных им людей из числа иноплеменников-рабов, что сыграло свою роль в стабилизации их власти. Впрочем, степень централизации этой власти не следует преувеличивать, как и роль государственных институтов: речь идет в целом о крайне примитивных политических образованиях, в основе которых веками существовала и сохранялась древняя африканская община со всеми ее первобытными традициями.

Географически Центральный Судан – обширная центральная часть суданского пояса, серединой которой является ориентировочно озеро Чад. Однако речь пойдет о политических структурах, расположенных в западной стороне этой части суданского пояса, между Западным Суданом и районом озера Чад. Здесь следует выделить две крупные зоны государственности, частично налегающие одна на другую.

Племенные протогосударства хауса. Первая из них – группа хаусанских протогосударственных образований, наиболее ранние из которых возникли в VIII – X вв. Речь идет о весьма примитивных надобщинных политических структурах типа городов-государств, причем формирование этих образований тоже происходило вокруг торговых центров, расположенных на трансафриканских караванных путях, шедших как с востока на запад, так и с севера на юг. Особенно важным был путь с севера на юг, связывавший север Африки через Сахару с гвинейским ее побережьем, с районом

плотного расселения йоруба.

Хаусанские протогосударства, из которых наиболее значительными были сначала Кано, затем Кацина и еще позже Гобир, группировались вокруг городов и в XIV–XVI вв. были уже по-своему развитыми, хорошо знакомыми с исламом, проникшим сюда через Мали. Падение Мали и Сонгая и упадок золотых россыпей Западного Судана привели к ослаблению интенсивной торговли там и соответственно к усилению торговых связей через хаусанские города к гвинейскому побережью, где также было золото («Золотой берег» португальцев). Именно это и способствовало расцвету хаусанских политических образований, хотя главную роль в их торговле играло не золото – скорее орехи кола, вывозившиеся из лесных районов побережья на север Африки.

В городах хауса развивалось ремесло, особенно ткацкое. Воздвигались большие здания и мечети. Существовали кварталы, населенные арабскими и иными чужеземными купцами. Расширялась и деревенская периферия городов, которые ожесточенно соперничали друг с другом, порой вели войны, в результате чего выходили на передний план то один, то другой, то третий из их числа (всего их насчитывалось 14: семь главных, чисто хаусанских, и семь других, со смешанным населением). Согласно некоторым данным, в протогосударствах существовала налаженная административная система управления с устойчивыми органами власти и взиманием налогов (восьмая доля урожая). Немалую роль в жизни хаусанских, как и всех суданских протогосударств играло рабство. Однако рабы-иноплеменники обычно имели землю и жили на правах податного населения, хотя и юридически неполноправного; нередко из них образовывали новые поселения.

В XVII в. в хаусанские протогосударства проникло, как упоминалось, довольно большое количество фульбе-бороро, как кочевников, так и особенно оседлого населения, в том числе из числа образованных интеллектуалов ислама. Именно их усилиями была поднята волна движения за религиозное обновление, которая на рубеже XVIII–XIX вв. привела к созданию халифата Сокото, в котором господствовали фульбе, тогда как хаусанцы были основной частью податного населения.

Канем и Борну. Район озера Чад – едва ли не важнейший центр древних культур Африки. Именно отсюда в I тысячелетии н. э. расселялись бантуязычные народы современной Африки. Здесь обнаружены следы археологических культур века металла еще более раннего времени. И здесь же, к востоку от озера, в VIII–IX вв. сложилось одно из ранних африканских протогосударств – Канем. Правитель Канема Хуме в конце XI в. принял ислам, причем на этот раз ислам пришел не с запада, а с востока либо с севера, из Магриба. Канем в XII в. энергично расширял свои границы и в XIII в. при Дунаме II (1221–1259) достиг наивысшего могущества, став едва ли не крупнейшим в Африке наряду с Мали.

В XIV в., однако, под давлением соседних племен булала правитель Канема вынужден был перенести свою резиденцию к западу от озера Чад, в район Борну, где в результате этнического смешения выходцев с востока с местным населением сложилась этническая общность канури. Возглавившие эту общность правители Борну (Канем-Борну) постепенно укрепили свое положение и достигли наивысшего могущества при Идрисе Алуме (1571–1603), который сумел приобрести в Тунисе огнестрельное оружие и вооружить им свою армию, вследствие чего Борну поставило в зависимость от себя соседей, включая и хаусанские протогосударства. С XVII в. влияние Канем-Борну вновь стало ослабевать.

Политическая организация Канем-Борну была довольно обычной для суданских стран с исламской ориентацией. Страна делилась на региональные подразделения, во главе которых стояли представители правящего дома, весьма склонные при случае к сепаратистским устремлениям и мятежам. Власть правителя была ограничена советом знати и высших сановников. Сам правитель обожествлялся и был закрыт от взоров подданных. Считалось, что он имеет право назначать своего преемника, но практически

большим влиянием в политических делах пользовалась обычно мать правителя. Как и везде в Судане, в Канем-Борну было немало рабов из числа чужаков, которыми могли торговать, обменивая их, например, на высоко ценившихся и импортировавшихся с севера, из Магриба, лошадей.

3) Восточный Судан. Эфиопия. Восточный Судан, на севере граничивший с Египтом, испытывал заметное влияние египетской культуры на протяжении тысячелетий. Это сыграло свою роль в формировании таких известных и уже упоминавшихся государственных образований, как Мероэ или Аксум. В первые века новой эры Египет был христианизирован, так что египетское влияние шло с сильным потоком христианской культуры. Неудивительно поэтому, что лежавшие к югу от Египта восточно-суданские его соседи, включая Эфиопию и Нубию, были в основном христианскими странами. После арабизации и исламизации Египта мусульманское влияние стало сильно ощущаться и в Восточном Судане, хотя христианская Нубия подчас вела войны с исламизированными соседями. Соседи, о которых идет речь, – это султанаты Вадаи, Дарфур (сначала – Кордофан) и Сеннар, появившиеся на свет именно благодаря воздействию на восточно-суданских африканцев исламской государственности уже сравнительно поздно, примерно в середине II тысячелетия.

Дело в том, что исламизация некогда христианской Нубии, завершившаяся в условиях упорного сопротивления христиан к середине нашего тысячелетия, открыла дорогу арабизации и энергичной исламизации более западных районов Восточного Судана. Разумеется, ислам и многие кочевые мусульманские арабские племена проникали в эти районы и к западу от них и прежде – не случайна версия об исламизации Канема в конце XI в. именно с востока. Но энергичный натиск ислама приходится на середину II тысячелетия. В начале XVI в. возник султанат Сеннар. В том же XVI в. исламским султанатом стало и возникшее столетием раньше протогосударственное образование Дарфур, до того находившееся в зоне политического влияния правителей Канема-Борну. Как фунги Сеннара, так и форы Дарфура являли собой негритянские общности, испытавшие немалое влияние арабского языка и арабо-мусульманской культуры. Еще далее к западу существовало испытывавшее исламское воздействие со стороны Канема государственное образование Тунджур, на основе которого в XVII в. сложился султанат Вадаи, в котором тоже со временем укрепилось арабское влияние и где даже поселилось, как и в Дарфуре, немалое количество мигрировавших с востока арабов. Политическая структура всех этих султанатов была близкой к типично мусульманской. Правда, были и отличия. В частности, здесь, как и во всех африканских государствах, существовало большое количество рабов, из которых, в частности, формировалась армия. В XIX в. Сеннар и Дарфур были завоеваны и присоединены к Египту усилиями Мухаммеда-Али и его преемников.

На крайнем Востоке суданского пояса и в южной его части расположена Эфиопия – государство особое в ряду вышеописанных. Во-первых, это одно из древнейших африканских государств с непрерывной историей и традицией. Во-вторых, оно единственное не связанное с исламом, но, напротив, постоянно противостоявшее ему. Больше того, христианская монофизитская церковь всегда тяготевшая к греческому православию, была на протяжении веков, даже тысячелетий своего рода политическим стержнем, служившим опорой для сравнительно слабой и постоянно раздражавшейся междоусобица светской власти.

Принятое еще знаменитым аксумским правителем Эзаной в 30-х годах IV в. эфиопское христианство одно время было даже союзником и опорой первых мусульман времен пророка. Но после успешной исламизации Ближнего Востока для христианского Аксума наступило трудное время. Пытаясь сопротивляться натиску арабов-мусульман с востока и севера, Аксум терпел поражение за поражением. Нередко пустовало место назначавшегося александрийским патриархом митрополита, что обычно воспринималось аксумитами как одна из важных причин обрушивавшихся на них несчастий. В X в. Аксум

был разрушен, а власть перешла к династии, не исповедовавшей христианство (возможно, это были выходцы из числа эфиопских иудеев-фалаша). Период X – XII вв. почти не отражен в эфиопских хрониках, это было время упадка Эфиопии. В XII в. христианское государство эфиопов возродилось, а с XIII в. престол заняла новая династия, претендовавшая на родство с древними правителями Аксума и именовавшая себя Соломоновой. Негусы этой династии управляли Эфиопией вплоть до недавнего времени.

Правители новой династии в XIII в. начали энергичную борьбу за отвоеванные у христиан исламскими соседями территории. Эта борьба в XVI в. привела к резкому столкновению с восточноэфиопским султанатом Адаль, правитель которой Ахмад Грань (Левша) объявил христианской Эфиопии священную войну (джихад). Только благодаря помощи португальцев негус сумел одолеть Граня, но ослабленная войной Эфиопия подверглась в это же время натиску со стороны скотоводов-галла, заселивших многие районы страны (правда, со временем они были ассимилированы и христианизированы).

Хотя Эфиопия благодаря ходу событий сумела сохранить свое независимое существование и даже освободиться в конце XVI в. от навязывавших ей свою опеку католиков-португальцев, страна политически стала ослабевать, превращаясь в арену междоусобиц влиятельных феодалов. Феодалы возводили на престол недееспособных представителей Соломоновой династии и пытались управлять страной от их имени. Каждое из феодалских владений представляло собой полуавтономное княжество, правители которого жили за счет ренты-налога с крестьян, исполнявших к тому же многочисленные повинности. Одним из крупнейших феодалов-князей была церковь. Как и повсюду в Африке, в Эфиопии было много рабов. С середины XIX в. Эфиопия оказалась объектом усиленного внимания со стороны европейских держав, что вызвало рост сил внутреннего сопротивления и дало толчок усилению центральной власти и к необходимым реформам, связанным прежде всего с именем негуса Теодроса II. Хотя реформы из-за ожесточенного сопротивления феодалов потерпели неудачу, они все же заложили основу усиления Эфиопии, что сыграло определенную роль в последующих ее судьбах.

4) Восточная и Тропическая Африка. Хотя географически этот район Африки, примыкающий к суданскому поясу, к территории Судана все же не относится, политически и в религиозно-культурном плане он с ним составляет некое единое целое: здесь тоже появление государственности тесно связано с исламизацией. Речь идет о довольно обширной зоне континента – от Африканского Рога (к юго-востоку от Эфиопии) до Мозамбика, включая сюда и прилегающие острова, в том числе крупнейший из них, Мадагаскар.

Первые арабские торговые колонии на восточном побережье Африки появились, видимо, еще в VIII–IX вв., быть может, и раньше. Арабы-мусульмане активно вторгались в заселенные бантуязычными народами районы, что сопровождалось, с одной стороны, метисацией новых поселенцев, бравших в жены местных женщин, с другой – массовым порабощением значительной части негроидного населения, тех самых аборигенов побережья, которых под именем зинджей арабы вывозили в различные страны, прежде всего на территорию халифата. XII–XIV века были временем расцвета арабо-мусульманской торговли и заселения арабами восточно-африканского побережья. Здесь сложилась языковая арабо-африканская общность суахили, в расовом плане много более негритянская, чем арабская. Ведущей религией стал ислам. Были построены многие прибрежные торговые города с дворцами, крепостями и мечетями. Возникали многочисленные государственные образования типа преимущественно городов-государств во главе с шейхами – Могадишо, Малинди, Момбаса, Килва и др. Важным центром арабо-африканской торговли, особенно работорговли, стал султанат на острове Занзибар.

Вторжение в Африку португальцев, которые стремились в Индию и потому старались прежде всего закрепиться на восточно-африканском побережье, привело на

рубеже XV–XVI вв. к разрушению многих процветавших суахилийских городов и к упадку арабо-африканской торговли. Но господство португальцев на побережье продолжалось сравнительно недолго: уже в середине XVII в. они отступили к югу, к Мозамбику, очистив большую часть восточно-африканского побережья. Впрочем, эти территории сразу же были оккупированы маскатскими арабами из Омана, к которым обратились за помощью против португальцев сами суахилийцы.

Султаны Маската-Омана с XVIII в. оказались фактическими хозяевами восточно-африканского побережья, а торгово-политическим центром их господства стал Занзибар, одно время даже политически объединенный с маскатским Оманом в единый султанат. Занзибар с начала XIX в. был центром выращивания завезенной туда гвоздики, на 200 плантациях которой работали сотни тысяч африканских рабов. Вплоть до запрещения в 1873 г. работорговли Занзибар оставался ее центром в Восточной Африке, особенно при оманско-занзибарском султани Сеиде Сайде (1804–1856), многое сделавшем для укрепления оманско-маскатского влияния на восточно-африканском побережье.

Что касается северной части побережья, то на территорию Сомали ислам проник где-то между IX и XIII вв. Эти пустынно-степные районы (возможно, именно здесь была загадочная страна Пунт, куда древние египтяне совершали экспедиции за ладаном, ибо именно на сомалийском побережье он произрастает) длительное время были мало заселены. Перемещения племен в Сомали были обычным делом, так что закрепление тут сомалийского населения началось сравнительно поздно, в XVI–XVIII вв. Смешанное бантуязычное и кушитоязычное население проживало в Сомали в XIX в. – на севере кочевое, на юге земледельческое. Между XII и XVI вв. здесь существовали различные мусульманские султанаты, центры которых подчас были вне Сомали, к западу от Африканского Рога. Торговые города типа Могадишо в те времена, да и позже, практически не имели политического отношения к основной части территории Сомали. Могадишо, как и другие города сомалийского побережья, политически с XVIII в. зависели от Омана, позже от Занзибара. Только в XIX в. во внутрисомалийских землях возникли два султаната, Оббия и Миджуртини.

Несколько слов о Мадагаскаре. Он рано стал объектом арабо-суахилийской мусульманской экспансии (XI–XIII вв.), хотя более древней популяцией здесь была тоже пришлая – из Индонезии (мальгашская). Арабские фактории были разрушены в XVI в. появившимися на острове португальцами, а с XVII в. на Мадагаскар стали часто наведываться голландцы, англичане, французы. Первые государственные образования на острове возникли на местной этнической основе (она была в основном метисной по происхождению), видимо, не ранее XIV–XVI вв. Трудно сказать, какую роль при этом сыграл ислам, но не следует забывать, что влияние мусульманской цивилизации и тесно связанных с ней государственных институтов и всей политической культуры мадагаскарцы испытывали с начала нашего тысячелетия. Развитие острова под сильным внешним воздействием привело к созданию на рубеже XVIII–XIX вв. в центре Мадагаскара большого государственного образования Имерина, по отношению к которому остальные княжества частично признали вассальную зависимость. Правитель государства был обожествленным высшим собственником земли, которую от его имени получали земледельцы, платившие налоги и несшие повинности. Существовало немалое количество зависимых и рабов, частично являвших собой замкнутые общности типа каст (особенно это относилось к привезенным на остров неграм). Губернаторы областей подчинялись центральному правительству; знатные аристократы имели наследственные владения.

Как хорошо видно из изложенного материала, ислам в целом сыграл огромную роль в формировании африканской государственности в зоне ее суданского пояса (о северной мусульманской Африке здесь не идет речь) и на восточном побережье. Как следует оценить эту роль, особенно с точки зрения тех генеральных принципов анализа традиционных восточных обществ, которые используются в рамках данной работы?

Первое, о чем надлежит сказать, – это важная, в некотором смысле решающая роль внешнего толчка. Во вводной части работы уже говорилось о комплексе условий и обстоятельств, обеспечивающих реализацию возможного генезиса первичного протогосударства в подготовленных к этому обществах. Там же упоминалось, что процессу генезиса государственности может способствовать факт существования рядом с трансформирующимся обществом уже сформировавшегося иного государства, что приводит, в частности, к эффекту трибализации и к более быстрому, нежели при сложении первичного протогосударства без внешнего воздействия, возникновению государственности. Ислам с его мощной и тесно связанной с религией, неотделимой от нее и в целом весьма простой политической культурой сыграл роль такого рода катализатора в северной части Тропической Африки. Можно много спорить на тему о том, что было раньше, яйцо или курица, т. е. ранние чисто африканские протогосударственные образования или воздействие со стороны мусульманского мира, но факт остается фактом: ислам способствовал резкому ускорению процесса и придал ему мусульманский характер.

Второе, что важно заметить в связи с проблемой ислама в Африке, – это своеобразие африканского ислама и откровенная слабость созданных при его содействии и во многом на его основе африканских государственных образований, особенно при сравнении их с теми, что были созданы мусульманами вне Африки, причем не только на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии или Малайе, но даже и в Индонезии, тропики которой вполне сопоставимы с африканскими, равно как и расовый тип населения (правда, важную роль для Индонезии сыграло предшествовавшее исламу индо-буддийское культурное воздействие, подобного которому африканцы, в отличие от малайцев и индонезийцев, не имели). Своёобразие заключается и в том, что африканцы воспринимали ислам, во-первых, в какой-то мере выборочно и частично, т. е. африканский ислам не был равноценен первоначальному, особенно арабскому, представленному хотя бы тем же Магрибом, откуда в Западную и Центральную Африку шли потоки исламской культуры. А во-вторых, воспринимали ислам отнюдь не все африканцы в тех государственных образованиях, которые формировались с помощью мусульманских влияний и тем более были официально исламскими. Мусульманами, да и то далеко не всегда полными, т. е. соблюдавшими все нормы ислама, были лишь социально-политические верхи и связанные с транзитной торговлей слои населения, иногда кочевые племена. Что же касается массы земледельцев, то она нередко почти не была затронута мусульманским влиянием и жила по законам предков, согласно древним африканским нормам и традициям, в немалой мере сохранившимся и ныне, в том числе в тех странах и районах Африки, которые уже тысячу лет испытывают воздействие ислама.

Соответственно слабой оказалась и социально-политическая база исламских государств и тем более протогосударств в Африке. Процветали те из них, что были тесно связаны с арабо-африканской торговлей, причем именно тогда, когда эта торговля преуспевала. В периоды ослабления, распада, поражений от прежнего исламского воздействия с его культурой, включая и политическую, оставалось порой не столь уж много. Нередко при этом влияние ислама приходилось восстанавливать заново и почти на пустом месте, – что, к слову, и делалось в позднем средневековье представителями различных течений ислама, в том числе активными мусульманами-марабутами, принадлежавшими к тем или иным воинственным суфийским орденам, ответвления которых щедро укреплялись в разных районах Северной Африки (наиболее многочисленными на первых порах были филиалы ордена-тариката Кадирийя; позже, в XVIII–XIX вв., стали активно действовать и представители многих других орденов).

Ослабление ислама как религии и культуры было тесно связано с общей отсталостью той среды, с которой ему пришлось иметь дело в Африке. Несомненно, ислам во многом усилил возникавшие здесь слабые ранние политические образования за счет свойственных этой доктрине институтов. Но этого было мало. Конечно, и в Азии ислам не везде процветал, как то бывало в древних и развитых зонах тысячелетней цивилизации.

Случалось ему попадать и в иные районы, оказываясь религией сравнительно отсталых горных племен, например в Афганистане. Однако при этом ислам оставался в мусульманском окружении, которое значило для него и для воспитывавшихся в духе ислама народов весьма многое. Иное дело Африка, где постоянное и сильное воздействие ислама, которое могло бы сыграть роль мусульманского окружения, оставалось на севере континента и было отделено от остальной его части не только Сахарой, но и расовым барьером. А отсталость делала свое дело: нередко мусульманская религия лишь внешне затрагивала многочисленные общины африканцев, как бы скользя по их поверхности, играя роль некоего необязательного антуража.

И все же, несмотря на все сказанное, ислам сыграл огромную роль в истории Африки. С точки зрения политического и экономического развития – роль огромную. Немалую роль и в плане социальных сдвигов, хотя здесь она много меньше. Исламу не удалось разрушить этнические и социальные барьеры, отделявшие африканцев друг от друга, не удалось превратить жителей исламизированных районов Африки в население уммы, т. е. в единую общину нерасчлененных на этносы правоверных. Не удалось исламу принести в Африку и высокую цивилизацию. Ислам в принципе, следуя заповедям пророка, не склонен поощрять рабовладение (если раб правоверный, он не раб), хотя неверных мусульмане издревле обращали в рабов. Но нигде и никогда рабство не достигало таких размеров, как именно в Африке, откуда мусульманские торговцы за много веков до португальцев вывозили на продажу сотни тысяч, если не миллионы африканцев. Словом, для многих мусульманских торговцев Африка была рынком рабов. И хотя расового предубеждения к неграм у них не было, а обилие негритянок в гаремах вело даже к изменению расового типа арабо-мусульманского населения Африки, африканская работорговля в широких масштабах начата была все-таки мусульманами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Социальная история стран Зарубежной Азии / Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М., 1927, т. 1—11.
2. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961—1963, т. I—II.
3. Хрестоматия по истории зарубежной литературы средних веков / Сост. В. И. Пуришев и Р. О. Шор. М., 1953.

Пособия

4. Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 1994.
5. Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М., 1940.
6. Всемирная история. М., т. III, 1957; т. IV, 1958.
7. Всеобщая история искусств. М., 1960, т. II.
8. История дипломатии. М., 1959, т. 1.
9. История стран Азии в средние века. М., 1970.
10. История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.
11. Колесницкий Н. Ф. Феодалное государство. М., 1967.
12. Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963.
13. Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. 1896—1899, т. I-IV.
14. Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1951—1953.
15. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
16. Советская историческая энциклопедия. В 12 (16) т. Т. 1-16. - М.: Советская энциклопедия, 1963 - 1976.
17. Новая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.
18. Новейшая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.